

Б_А 47704

ПРОСТОРЫ

БЕЛОРУССКИЙ
АЛЬМАНАХ

МИНСК
1927

8
Б_А 47704

ас-3109

1

ПРОСТОРЫ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРЕВОДЫ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ИВ. ОСЬМОВА

Бел. изд.
1994 г.

БЕЛОРУССКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
М И Н С К — 1927

Бел. изд.
1994 г.
Мин. №

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Белоруссия—страна по преимуществу крестьянская. Городских жителей в ней насчитывается едва 15% всего населения. Белоруссов в среднем 85%, они, главным образом, составляют бедняцко-средняцкую массу сельского населения. Некоторое количество их живет в местечках и городах, где земледелие тоже составляет главное их занятие. Основную же массу городского и местечкового населения составляют евреи и, совсем в незначительном количестве, в городах живут русские (великороссы) и поляки.

Промышленность в белорусских городах развита слабо; тяжелой индустрии почти-что нет. Имеются небольшие заводы и фабрики по обработке пищевых продуктов и лесных материалов, пивоваренные заводы, дрожжевые, крахмальные и др. Но эти заводы и фабрики не отошли далеко от типа мастерских.

Большое количество городских жителей занималось (и занимается) ремеслом—кожевенным, щетиным, сапожным, столярным, шапочным и др.

Таким образом, мы видим, что белорусский город в дореволюционное время развивался в сторону концентрации в себе еврейского ремесленно-торгового и русского служилого населения и, благодаря этому, город все больше отдалялся от деревни, воспринимая через еврейскую буржуазную интеллигенцию и русское чиновничество русскую культуру, пользовался ею в стороне от основной массы населения—белорусского крестьянства. Одновременно—польские паны-агратии, владевшие чуть-ли не 60% всей пахотной земли, обслуживались польской культурой, которую старались привить и белорусскому крестьянству, главным образом, через ксендзов.

9. Просторы

Эти причины создали ту обстановку, что белорусское крестьянство было почти сплошь неграмотным, темным и забитым. Грамотных крестьян насчитывалось всего лишь 15%. И только в последнее перед революцией десятилетие создавалось для крестьянина больше возможностей пройти в школу. В это время был открыт ряд учительских семинарий, приходских и двухклассных сельских школ.

К сожалению, в этих школах больше обращалось внимания на то, чтобы воспитать русских чиновников, чем на само дело образования. Одновременно, и русское чиновничество и польские паны и через церковь и через школу старательно уничтожали натурально-исторические особенности Белоруссии и укрепляли свое классовое угнетение белорусского крестьянства.

Бесстыдство беспощадного культуртрегерства пробудило у белорусских трудящихся масс протест против социального, а также и национального угнетения. Чувство этого протеста раньше всего охватило передовые круги белорусской мелко-шляхетской (дворянской) интеллигенции.

Уже в конце 18 столетия мелко-шляхетская интеллигенция начинает чутко прислушиваться к жизни, настроениям и социальному положению белорусской деревни. Доходившие к ней с Запада отзвуки великой французской революции, а также близость белорусской интеллигенции к оппозиционным настроениям среди польской общественности, возбуждали ее интерес и к социальному положению белорусского крестьянина.

Время от времени представители мелко-шляхетской интеллигенции, писатели, общественные деятели, этнографы и др., воспитанные в духе польской культуры, понемногу начинают уделять внимание белорусскому языку, белорусской песне, белорусской истории. Так, пишет стихи по-белорусски Ян Борщевский (1790-1851) „Шляхціц Завальня ці Беларусь у фантастычных апавяданнях“ (Шляхтич Завальня или Белоруссия в фантастических рассказах), поэму в стихах „Рабункі мужыкоў“ (Грабеж мужиков).

Ян Чечот (1797-1847) увлекается белорусским народным творчеством, собирает и издает целый сборник под наименованием „Сялян-

скія песенькі з пад Нёмна і Дзьвіны" (крестьянские песни с Немана и Двины), Александр Рыпинский, родом с Дисненщины, в 1839 г. читает в кружке польских эмигрантов в Париже лекции по белоруссоведению, а потом эти лекции издает отдельным сборником под наименованием „Беларусь“.

В эпоху творчества вышеуказанных писателей (конец XVIII и первая половина XIX ст. ст.) появляются на белорусском языке две поэмы в стихах неизвестных авторов „Энэіда на выварат“ и „Тарас на Парнасе“. Автор „Энэіды“ позаимствовал сюжет из подобного же произведения украинского писателя Котляревского и переделал его применительно к белорусской действительности. В поэме „Тарас на Парнасе“ рассказывается история полесовщика Тараса, попавшего на Парнас, где он встретился с парнасскими богами. Быт богов был подобен быту белорусских крестьян:

Глядзіць ён, аж на лаўцы шыюць
Шаўцы багіням хадакі,
Багіні-ж у начоўках мыюць
Багам кашулі і парткі.

Сатурн, там лыкі размачыўшы,
Падвіркай лапці падплятаў,
Па сьвеце добра пахадзіўшы
Лапцэй ён многа натаптаў.

Нэптун на лаўцы чыніць сеці
І восьці садзіць на шасты,
Пры ім-жа мусіць яго дзеці
Дзіравы ладзяць нераты.

Под влиянием „Тараса на Парнасе“ формировалось белорусское литературное творчество ряда белорусско-польских писателей, предшественников Винцуса Дунина-Марцинкевича. Оно-то и послужило этому последнему крепким основанием для развития его мировоззрения и для всей его белорусской литературной работы. Именно со времени В. Дунина-Марцинкевича белорусская литература становится на твердую почву. Дунина-Марцинкевич, несмотря на его шляхетское происхождение и воспитание в условиях польской культуры, последней мало

интересовался. Его захватывает жизнь белорусского крестьянина, которому В. Дунин-Марцинкевич и посвящает свое литературное творчество. Этому способствует в значительной мере участие белорусского крестьянства в польском восстании 1863 г. под руководством Кастуся Калиновского ¹⁾.

Однако социальные и национальные моменты, внесенные Калиновским в борьбу белорусских крестьян против российского самодержавия и польского панства, мало затронули В. Дунин-Марцинкевича. В его богатом литературном наследии (поэмы: „Гапон“, „Вечарніцы“—издан. 1855 г., „Купалье“—1856 г., „Шчароўскія дажынкi“—1857 г. и пьесы: „Сялянка“—издан. 1846 г., „Пінская шляхта“—1866 г., „Залёты“—1870 г. и др.) мало найдешь подчеркиваний классовых отношений крестьянства и помещиков, а тем более,—между ремесленниками и их хозяевами-предпринимателями. В. Дунин-Марцинкевич главное внимание уделял в своих произведениях белорусскому фольклору.

Только в одном стихотворении (пока достоверно неизвестна его принадлежность перу В. Дунин-Марцинкевича) он столкнулся с социальными мотивами, изобразив их довольно красочно:

Вясна, голад перапала
А ні солі, а ні круп;
У скаціны корму мала
І самому—а ні ў зуб.

На палацахдохнуць дзеці,
Жонка тры дні з дуру п'ець,
І даўно парожня ў клеці,
І парожняя асець.

Каліта ляжыць пад лаўкай,
А пры ёй парожны гляк—
Ад каляд мы з кумам Саўкай
Загубілі ў губе смак.

¹⁾ *Кастусь Калиновский*—сын мелкого чиновника, белорусс-революционер, ставший во время польского восстания во главе „Чырвонага Жонду“ (революционного правительства). Он первый выставил лозунг независимости Белоруссии.

Але гора ўжо з паўгора;
Цыц нябога, трошкі цыц!
Вось нам вольнасьць дадуць сора
І, як птушкі, будзем жыць.

К чорту жонка, ласа баба!
Бяры чорт і каліту,
А папусьці лейцы слаба
І дай волю хамуту.
Будзем роўныя з панамі,
Самі будзем, як паны—
І гарэлку піць збанамі
І гуляць так, як яны.

Перастануць нашым братам,
Як скацінай таргаваць;
Напускацца л'хім матам,
Скуру з ног да карку драць.
Хоць халодна, хоць галодна —
Холад, голад ніпачом.
Эх, каб толькі нам свабодна!
На свабодзе аджывём.

Вось панам ня дужа лоўка:
Самім трэба працаваць!
Пабаліць ня раз галоўка!
Калі прыдзеца араць!

Не адзін то напацеець
І заскача драпака,—
Бо сам толькі есьць умець
Ды драць шкуру з мужыка.

Як-бы быў якой скацінай
Або горшы ад яго:
Білі пугай ды дубінай,
А цяпер брат,—ого-го!

Мужык будзець не скацінай,
Ня раз скажэць пан з паноў:
„Пане Грышка, пане Міна!
Як-жа, васпан, ці здароў!“

Конечно, в этом стихотворении В. Дунин-Марцинкевич показывает нам социальные стороны белорусской крестьянской жизни исключительно в шляхетском преломлении. Но по тем временам и этого было достаточно. Тем более, что сам В. Дунин-Марцинкевич целиком был под клерикальным влиянием, господствовавшим вокруг него с детства. Поэтому он мало уделял внимания и белорусским национальным мотивам, которые были тесно переплетены с мотивами социальными. Тем не менее значение В. Дунин-Марцинкевича в белорусской литературе значительно большее, чем всех его предшественников. Его творчество дало толчок в деле возникновения новых широких кругов белорусской, и сочувствующей белорусскому возрождению интеллигенции. В те времена этими вопросами заинтересовываются польский писатель Кондратович (Сыракомля), ставший писать стихи на белорусском языке и композитор Моношко, написавший музыку к его пьесе „Селянка“, а также и другие известные польские общественные деятели. Пьесы Марцинкевича шли в театре, а также ставились и любителями ¹⁾. Непосредственно под влиянием В. Дунин-Марцинкевича начал свою работу и его последователь, талантливый писатель—народник Ф. Богушевич (род. в 1840 г.).

Происходя из той-же мелкой шляхты, Ф. Богушевич провел свои молодые годы в других, чем В. Дунин-Марцинкевич условиях. Да и времена подошли другие. Ф. Богушевич учился в Петербургском университете, где близко соприкасался с наиболее передовой частью студенчества, там-же он увлекается русской литературой того времени, во главе которой стояли журналы „Современник“, „Отечественные записки“, и такими критиками и писателями, как Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов и др. Ф. Богушевич

¹⁾ Произведения В. Дунин-Марцинкевича выдержали ряд изданий и еще и сейчас есть требования на них со стороны белорусского читателя.

принимает участие в польском восстании, где его ранят. После окончания Университета, он выбирает себе работу в качестве народного учителя, потом следователя, судьи, адвоката. На этой работе Ф. Богушевич имел возможность близко ознакомиться с белорусским крестьянством, узнать его мысли и настроения, узнать его социальное положение. Неприглядная картина положения белорусского крестьянства захватывает его целиком, производит на него неизгладимое впечатление и он посвящает свою музу горю и недоле белорусского крестьянина. Ф. Богушевич всей душой отдается этому делу и в своем творчестве остается верен этим принципам от начала и до конца. Со всей силой своего таланта обрушивается он на социальную неправду, концентрирует на ней внимание читателя, заставляет последнего возмущаться, дает накапливаться протесту и думать о решительной борьбе за освобождение. Относительно малое количество борцов, подобных ему, трудность расшевелить крестьянские массы, вызвать у них чувство протеста, смущает писателя, но все же Ф. Богушевич верит в будущее. Эта вера придает ему силы к дальнейшей работе. Так в своем стихотворении „Мая лудка“ он пишет:

Гал! Чаму ж ня граеш?
Хіба ты не знаеш,
Няведаеш, хіба,
Што як тая рыба
Ды на лёдзе б'ецца,
Так вот я, здаецца,
Сорак гадоў б'юся
Ніяк не зьвярнуся,
Ніяк не натраплю,
Вадзіцы хоць каплю,
Ды такой вадзіцы,
Ды з такой крыніцы,
Што як хто нап'ецца,
Дык вольным стаецца.
Грай, вясёла-ж грай,
Або волю дай.

Ф. Богушевич понимал, что „ваду з крыніцы“ может достать сам мужик, который „весь свет держит“ и которого все же называют глупым. Стоит ему, мужику, только посмотреть на себя и найти свое место в социальной и национальной жизни и тогда „крыніца“ свободы забурлит „живой водой“. Богушевич и говорит:

Глядзі! Горы паразрыты,
А чыгункай сьвет абвіты;
Ўсё з мужыцкай цяжкай працы,
Усе едуць у палацы;
Ў мужыка-ж няма білета!
Ці-ж ня дурань мужык гэта?
Дык крычэце-ж, беце ў звона:
Дурны мужык, як варона!
(Стихотворение „Дурны мужык, як варона“).

От мужика „спрятали правду“, и, чтобы ему ее не показать, наделали своих судов, от волости до сената, по которым всю жизнь таскают крестьянина, всегда виноватого и никогда не правого. Крестьянину отведен „уголок в жизни“, как пасынку, ему определена доля „свыше“—

Каб сэрца шчыме́ла і рвалася з болю?
Каб душа балела гледзячы на долю!..

О трудящемся человеке забыл и сам бог, к которому посылают его паны, от чьего имени обещают награды и кару и за чьей святостью прячут свои издевательства над „глупым, как ворона, мужиком“. Красною нитью проходит во всех произведениях Ф. Богушевича одна идея—как можно более подчеркнуть тяжелые условия, в которых живет белорусский крестьянин и указать крестьянству путь к освобождению.

Вместе с этим Ф. Богушевич считает особенно важным моментом для успешной борьбы за лучшую жизнь необходимость национального самоопределения.

В своем обращении к читателям, приложенному к сборнику его стихов (Ф. Богушевич написал два сборника стихов: „Скрыпка Беларуская“ и „Смык Беларускі“), он говорит: „Не пакідайце мовы нашай

беларускай, каб ня ўмерлі“. Поэт особенное значение придавал именно этому обстоятельству, видя, как, пользуясь национальной несознательностью мужика, польские паны и российское чиновничество, через русификацию с одной стороны, и полонизацию—с другой беспощадно усиливали эксплуатацию и угнетение белорусского крестьянства.

Ф. Богусевич первый в белорусской литературе указал на социальные недуги старого строя; он первым заговорил от имени белорусского крестьянина, как его друг, чье горе было близким для поэта. Понятно, что песня Ф. Богусевича встретила широкий отклик со стороны белорусских читателей, дав определенный толчок их мыслям.

Этими настроениями увлекся и Янка Лучина (Я. Неслуховский), который в своем творчестве весьма близко подошел к Ф. Богусевичу, укрепляя, таким образом, народническое течение в белорусской литературе. Янка Лучина и по форме своих произведений и по художественному таланту, значительно уступает Ф. Богусевичу¹⁾, но вместе они оформляют целый период в истории белорусской литературы, стоят во главе культурных деятелей 80 г. г. прошлого века. Их произведения широко распространяются, приобретают новые круги белорусских читателей. К концу 1890 г. возникает широкое национально-революционное движение среди разночинной белорусской интеллигенции и студенчества. Ряд культурных обществ („Минчук“ в Минске и др.) и студенческих организаций (в Юрьеве, Москве, Петербурге, Александрии) имеют своим вдохновителем творчество Ф. Богусевича, Я. Неслуховского и др. Благодаря этому, культурные цели указанных обществ и объединений перемешиваются с революционными задачами. Социалистические идеи в них находят хорошую почву. В начале 1900 г. г. из членов белорусских культурных объединений и выходцев из других социалистических партий организуется белорусская социалистическая партия—„Белорусская революционная Громада“, которая на своем знамени написала: „Социальное и национальное освобождение белорусского крестьянства“. Этот лозунг дает идеологическое направление в литературном творчестве

¹⁾ Янка Лучина больше писал на польском яз. На белорусском языке он написал несколько десятков стихов, каковые изданы сборником под названием „Вязанка“.

новой плеяды белорусских поэтов и писателей, как-то: И. Луцевич, К. Каганец (Казимир Кастравицкий), Алоизз Пашкевич (Тетка), Антон Левицкий (Ядвигин Ш.), Альберт Павлович, А. Бурбис и другие. Почти все они были социалисты и свое творчество посвящают делу борьбы за социальное и национальное раскрепощение белорусских трудящихся масс. Особенной революционностью отмечается творчество Тетки (А. Пашкевич), которая всецело отдалась революционной борьбе, писала свои стихи перед выступлениями на митингах, перед и после демонстраций, в эмиграции. Ее стихи, как прокламации, в десятках тысяч экземпляров распространялись среди крестьян и рабочих. Правда, с художественной стороны, произведения Тетки уступают произведениям других поэтов, но по своему содержанию они захватывали читателя и звали его на борьбу. В стихотворении, „Хрэст на свабоду“ (Крест на свободу) мы слышим:

На ўсходзе красна неба,
Нас ня дзівіць—так і трэба!
Кроў ракамі льецца ў мора,
Салдат гіне там ад гора
Без кашулі і бяз хлеба.
Нас ня дзівіць—так і трэба!
Гоняць сына, гоняць мужа,
Цара слухаем мы дужа;
З душы рвецца скарга ў неба,
А мы маўчым—так і трэба!
Жандар стрэле, казак б'ецца,
У народу сьпіна гнецца
Ад налагаў з солі, з хлеба,
А мы плацім—так і трэба.

В стихотворении „Над крывавымі разорами“ поэтеса призывает массы закалять себя, собираться с силами и готовиться к мести. С чужбины она шлет горячие бодрые слова о необходимости борьбы. Тетка, занятая непосредственным участием в революционной борьбе, подорвавшей ее силы, не могла написать столько, на сколько она была спо-

собна. Однако ее литературное наследие по праву занимает почетное место в истории белорусской литературы.

Ее современники—К. Каганец, Ядвигин Ш. и др., также уделяли в своем творчестве много места революционным мотивам. К. Каганец, написавший несколько пьес („Модны Шляхцюк“, „Двойчы, Прапілі“ и др.) и стихотворений („Пра пана Ленскага“, „Царская служба“ и др.), заплатил за участие в революционном движении—тюрьмой.

Вообще указанное поколение поэтов и писателей, которых можно отнести к категории народников-революционеров, по происхождению разночинцев, было последней ступенью при переходе белорусской литературы в руки поэта и писателя, вышедшего уже непосредственно из рядов трудового крестьянства и ремесленников. Почвой для последнего поколения писателей послужила революция 1905 г.

* * *

Революция 1905 г. пробудила белорусские трудящиеся массы к социально-политическому и национально-культурному самосознанию. Белорусские социалистические партии, социалистические партии общероссийского характера (РСДРП, ПСР) и национально-социалистические партии других народов (Бунд, ППС, С-Д Литвы и Польши), уделяя внимание национальному вопросу, вовлекли в борьбу за национальное освобождение передовое белорусское крестьянство и рабочих. Белорусская трудовая интеллигенция после революции 1905 г. в большом количестве вошла в ряды борцов за национальное и социальное освобождение Белоруссии. В партию „Белорусская Социалистическая Громада“ влились в большем количестве рабочие и крестьяне, придав ей более радикальный характер; значительное количество национально осознавших себя ремесленников и рабочих-белоруссов было в местечковых и городских организациях РСДРП (Копыльская, Клецкая, Слуцкая и др.) Это расширение рамок белорусской национально-культурной и революционной работы дало несомненный толчок для дальнейшего развития белорусской литературы. Творчество поэтов и писателей, которые выступали на литературном поприще до революции 1905 г., уже не удовлетворяло нового читателя-крестьянина, ремесленника

и народного интеллигента (учителя, мелкого почтового и жел.-дорожного служащего и т. п.). Подошла пора не говорить о крестьянине и рабочем, а выслушать их, что они сами скажут о себе, каковы их настроения, желания и стремления. И вот на сцену появляются первые народные поэты, Янка Купала (Иван Луцевич) и Якуб Колос (Константин Мицкевич)—оба сыновья деревни, крестьяне. Первый из них начинает писать сперва по-польски, а второй сразу выступает с политическими белорусскими стихами.

Янка Купала, сын крестьянина-арендатора, не имеет возможности получить полное образование, ему удастся окончить лишь писшую школу и пополнить свои знания самообразованием. Якуб Колос окончил учительскую семинарию. Янка Купала впервые начал печататься в русской газете „Северо-Западный Край“, а после—в белорусской газете „Наша Доля“; Якуб Колос—в той-же „Нашей Доле“. Оба поэта сразу внесли в белорусскую литературу новые мотивы социального характера, поставили ребром вопрос о социально-национальном раскрепощении крестьянства Белоруссии. Якуб Колос последовательно связывает свою литературную работу с участием в революционной борьбе через организацию учительского съезда. Янка Купала близко подходит к Белорусской Социалистической Громаде. Первые его песни проникнуты горделивым чувством сознания своего мужицкого я, подчеркиванием важности в обще-человеческом коллективе работы крестьянина. В стихотворении „Мужик“ Янка Купала говорит:

Я—мужык беларус,
Пан сахі і касы;
Цёмны сам, белы вус,
Пядзі тры валасы;
Бацькам голад мне быў,
Гадаваў і карміў;
Бяда маткай была,
Праца сілу дала...
З цяжкай працы мае
Карыстаюцца ўсе...

Якуб Колос, соглашаясь с этим, добавляет:

Ўстаньце, хлопцы, ўстаньце, браткі,
Ўстань-жа наша старана.
Ўжо глядзіць к нам на палаткі
Жыцця новага вясна.

Ці-ж мы хлопцы рук ня маем,
Ці-ж нам сілы бог ня даў,
Ці-ж над нашым родным краем
Промень волі ня блішчаў?

Голоса обоих поэтов звонким эхом отдались по всем углам Белоруссии. Их песни разучиваются наизусть, декламируются на вечеринках по селам, деревням и местечкам, будят чувство бодрости в массах белорусского юношества.

Газета „Наша Доля“, а после ее закрытия на 6 номере,—ее последовательница—„Наша Нива“, становятся любимыми газетами. Ими зачитываются и с интересом обсуждают нововозникшие явления, как возрождение белорусского языка, культуры, идей независимости Белоруссии.

Уже к 1908-9 г.г. и Янка Купала и Якуб Колос становятся крупными фигурами в рядах белорусских писателей и поэтов. Значительно выросла их тематика и усовершенствовалась форма. Публицисты и критики белорусской литературы больше всего уделяют внимания этим двум поэтам. Их произведения начинают переводить на иностранные языки (украинский, польский, литовский). Однако, с развитием их художественного таланта, между ними начинаются расхождения в методах и путях литературного творчества. Янка Купала уклоняется в сторону романтического символизма, а Якуб Колос—реалист. Все-ж это им обоим не мешает быть верными идеям, выдвинутой революцией 1905 года, и не сходить с пьедестала народных трибунов.

В 1909-10 г.г. на помощь Янке Купале и Якубу Колосу подоспели новые силы. Это был целый ряд поэтов и писателей—общественных и партийных деятелей, выходцев из среды рабочих, служа-

щих и бедных крестьян. К ним можно причислить: Алеся Гаруна (столяр), Тишку Гартного (кожевник), Фаб. Шантыря (маляр), Федора Чернушевича (портной), А. Гурло (слесарь). Вместе с ними—З. Бядуля (сын крестьянина-еврея, В. Галубок (железнодорожник), Констанция Буйло (учительница), Максим Горецкий (крестьянин) и один, как исключение, сын преподавателя гимназии—М. Богданович. Оставляя в стороне последнего, ряд отмеченных поэтов и писателей, выросших, главным образом, на творчестве Янки Купалы и Якуба Колоса, внесли в белорусскую литературу много новых и разнообразных мотивов. Отдавая должное национальному моменту, они обогатили содержание белорусской литературы и пролетарскими напевами. Благодаря этому в белорусской литературе слились элементы, составляющие движущую силу в революции.

Рабочий и крестьянин—две основные силы, на которых должно опереться движение и работа по возрождению белорусской культуры. В то время, как Янка Купала и Якуб Колос воспевали крестьянский труд, заговорили на языке мужика, поэты и писатели из рабочих и ремесленников подошли вплотную к рабочему, заговорили его языком, выражая его идеологию.

Это он, рабочий, приведет трудящееся человечество к лучшей доле. Тишка Гартный заявляет в своем стихотворении „Гарбар“ (Кожевник):

Я—рабочы, гарбар,
Рыцар працы цяжкой,
Я з жалезнай душой,
З сэрцам палкім, як жар.
Ў вачох іскры маіх,
А жалеза ў руках,
Скура гнецца ад іх
Ў адзін міг, ў адзін мах...

Я здружыўся з трудом,
Я ў ім рос, я ў ім крэп;
Запрацованы хлеб
Люблю мець за сталом.

Не хачу, ня прывык,
Склаўшы рукі, сядзець:
Я гарбар працаўнік,
Я живу, каб рабіць.
Маю сілу і гарт—
Імі грудзі гараць...

Вера в конечную победу труда проходит красной нитью через все творчество белорусских поэтов из рабочих и ремесленников. Процессы труда вызывают у них напевы полные бодрости и надежд.

Алесь Гарун в стихотворении „Муляру“ (Каменщику), возводящему огромное здание тюрьмы, уверен, что в конечном счете рабочие построят другое здание, великое здание труда:

Мур вялікай вольнай волі,
Мур высокі да нябёс,
Мур братэрства, роўнай долі,
Мур для радасьці бяз сьлёз.

Этот „мур“ строит каждый рабочий, тот, кто своей работой всех кормит, а сам остается в неволе. Для будущего „мура“ стучит молоток сапожника и пищит пила плотника, для него гудит в кузнице мех и бьет молот кузнеца. Объединенная сила трудящихся одна только может построить этот „мур“ на земле...

Ф. Чернушевич также полон бодрой надежды на будущее:

Куй, каваль! Залеза гнецца...
Іскры хай лятуць далёка,
Хай стук молата нясецца,
Сэрцы ранечы глыбока.

К табе прыдуць на ўспамогу,
Нібы вырастуць з зямлі,
Бо ў жыцьці куюць дарогу
Людзкай долі кавалі.

Куй, каваль! няхай працнеца,
Хто 'шчэ сьпіць чароўным сном,—
Да іх хутка данясеца
Песьня молата „дзінь“, „бом“!

И Алесь Гарун, и Тишка Гартный, и Ф. Чернушевич и все др. их ровесники были убеждены, что только рабочие и крестьяне добьются национального освобождения Белоруссии. Они, как и повстанец—мелкий шляхтич—народник, Ф. Богушевич, не могут не признать, что национальное освобождение будет могущественным фактором в деле социального раскрепощения. Они на своих спинах испробовали национальный гнет, благодаря которому задержалось развитие белорусских трудящихся масс на целые десятилетия. Вот почему их лира затрагивает разнообразные процессы труда, находит в них прекрасное, и поэт в каждом движении рабочего слышит отзвук грядущей свободы.

Мотивами труда время от времени увлекается и Янка Купала. Как и другие он воспеваает сапожника у верстака, кузнеца у горна. Но у Янки Купалы мотивы труда постепенно уступают место другим мотивам, по преимуществу обще-национального характера. Трудовые мотивы остаются превалировать у поэтов из рабочих и ремесленников: Тишки Гартного, Алеся Гаруна, Ф. Шантыря. Неотлучная их привязанность к мастерской, дающей им средства к жизни, направляет их мысли и формирует их идеологию.

Правда, такие условия, вместе с хорошими их сторонами, в то же время отнимали у этих белорусских поэтов возможность полностью отдаться литературному творчеству, расширять свои знания и этим углублять свое творчество. Свободное время, остающееся после работы в мастерской, отдается ими общественной работе, без которой невозможно дальнейшее расширение работы культурно-национального возрождения. Для творчества остаются случайные урывки времени, часто отнимаемые от сна, или купленные вынужденной безработицей. Журналы, которых было весьма мало, не могли выплачивать гонорар и литературная работа писателей составляла часть их общественных обязанностей. Эти тяжелые условия приводят к тому, что на протя-

жении всего так называемого „наше-нивского“¹⁾ периода в истории белорусской литературы, у большинства поэтов продуктивность работы была незначительна. Редко кто из них выпускает сборники своих произведений²⁾, большинство же удовлетворяется помещением своих произведений в еженедельнике „Наша Нива“, в альманахе „Малая Беларусь“, издававшемся раз в три месяца, календарях и в неперодических сборниках. Эти-же условия, в указанный период, не дали возможности появиться капитальным произведениям, как поэма, повесть, роман.

Более счастливыми были в „наше-нивский“ период Янка Купала и М. Богданович. Первый, в период от 1905 г. по 1917 г., сумел издать три сборника своих стихотворений („Жалейка“—1908 г., „Гусляр“—1909 г., „Шляхам жыцця“ и две символические поэмы: „Сон на Кургане“ и „Адвечная песня“³⁾).

Максим Богданович, талантливый поэт и писатель, большую часть своей жизни провел вне пределов Белоруссии. Поэтому он не входил в гущу белорусского национально-революционного и культурного движения, а наблюдал за его развитием издаека. Находясь на чужбине, он внимательно следил за белорусской литературой. На творчестве М. Богдановича, благодаря указанным причинам, сильно отразилось его слабое знание живой белорусской речи и отсталость от идей белорусского национально-революционного движения. Достаточное общее образование и широкое знакомство с русской и иностранной литературой толкнуло его в сторону тщательной обработки и усовершенствования формы белорусского стиха. В этом направлении М. Богданович достиг крупных успехов. Все виды поэтической композиции удавались

¹⁾ „Наше-нивским“ периодом зовется период в развитии белорусского национально-революционного движения с 1906 по 1917 г., названного так по имени еженедельника „Наша Нива“, издававшегося в Вильне и группировавшего вокруг себя белорусские культурные силы.

²⁾ До революции, кроме Янки Купалы, выпустили сборники своих произведений: Тишкевич Гартный—„Песни“—Петербург, З. Бядуля—„Абразкі“—Петербург, Якуб Колос—„Песыш Жалыбы“, „Нёманаў дар“ и др. М. Богданович—„Вянок“, М. Горецкий—„Руны“ и др.

10. Просторы

поэту, который дал белорусской литературе тэ́рции, сонеты, пентаметры, рондо. Их певучесть не уступала Брюсовскому и Бальмонтскому стиху. Одновременно М. Богданович увлекся модным тогда (1910–1914 г. г.) веянием в русской литературе—импрессионизмом. Это поставило его в стороне от основного течения в белорусской литературе. Во время напряженной работы над закладкой фундамента национально-социального освобождения белорусских трудящихся масс, под аккомпанимент песен о труде, свободе, бодрых, призывных мотивов, у Богдановича звенели легкие мотивы о леших, русалках, о вороных конях, что „плывут по небу“ и т. п.

Встречаются у М. Богдановича, хоть и редко, и гражданские мотивы. Но несколько сильных его стихотворений на эту тему проникнуты безнадежной печалью.

Война 1914–1917 г. г. помешала последовательному развитию белорусской литературы. Больше того, она болезненно отразилась на всем деле белорусского возрождения. Вильна—центр белорусской политико-культурной работы, потеряла свое значение, как город, расположенный в прифронтовой полосе. Большая часть активных деятелей была призвана на военную службу, остальные были разбросаны по всей России. Царским правительством были закрыты белорусские газеты и журналы. Волны беженцев, принужденных оставить край и поехать в Россию, разорение городов и деревень немецкой, да и русской армиями, поставили под вопрос судьбы белорусского возрождения и самого края...

Под знаком застоя прошло два года. И только в 1915 г. понемногу начала оживать общественная и литературная деятельность. На этот раз она раздвоилась по месту своих центров: один центр основался в г. Вильне, занятом немцами, второй—в Петербурге. Под немецкой оккупацией никого из известных нам поэтов не осталось, а в России—нельзя было собрать средств на белорусскую газету, или журнал. Из-за этого нельзя было установить и связи с разбросанными повсюду писателями, привлечь их к более или менее систематической литературной работе. Основанные в Петербурге в конце 1916 г.

газеты „Дзяньніца“ и „Сьветац“, несколько подвинули дело в этом направлении вперед: понемногу стали отзываться писатели и поэты и присылать в редакции свои произведения.

События революции 1917 г. все это прекратили. Перед белорусскими деятелями блеснул луч радужных надежд. На повестку дня выплыли вопросы нового государственного строительства, в котором и Белоруссия занимала свое место. Идеи социально-национального освобождения скоро охватили широкие круги белорусских солдат, рабочих и всю белорусскую трудовую интеллигенцию. Везде и всюду возникали белорусские организации, белорусские комитеты фронтов и армий, укреплялась Белорусская Социалистическая Грамада. Смело и громко заговорили белорусские трудящиеся массы о государственном строительстве Белорусской Республики.

В это национально-общественное движение белорусские поэты и писатели ушли с головой, отложив лиру на будущие времена. Надо было поддерживать развитие движения, тем самым подготавливая благодарную почву для последующего роста белорусской литературы. На протяжении всего 1917 года появилось в печати совсем незначительное количество произведений белорусских писателей. Только и обратила на себя внимание помещенная в газете „Вольная Беларусь“ (издавалась в Минске) первая часть поэмы Якуба Колоса „Сымон Музыка“. Но поэт не отозвался в ней на бурное настоящее и на выдвинутые современностью огромные задачи. В поэме „Сымон Музыка“, написанной до революции, звучали тоскливые мотивы. Сымон — пастух, скитаясь по свету, искал гармонию жизни, какую дает „правда“, которая „делает людей счастливыми“.

Однако, зарождение счастливой жизни сопровождалось революционными громами и бурями и поэтому поэма была несозвучна с настроениями дня. Она тогда прошла незаметно.

Зьмитрок Бядуля, Максим Горецкий и Алесь Гарун, изредка выступая в то время на страницах „Вольнай Беларусі“, отражали тоже пока прошедшее, не успев еще воспринять грандиозность революционного сегодня...

Бурные волны этого „сегодня“, поднимаясь все выше и выше, порождают Октябрьскую революцию, принесшую полное раскрепощение

ранее угнетенных национальностей. Открывается широкий путь для выявления запятанных в недрах трудящихся масс творческих сил... Действительность занимает место поэзии, какая не в силах впитать в себя все разнообразие красок, не в силах дать аккорды, равные гимну сказочной действительности...

Но Октябрь на Белоруссии омрачился темными тучами, хлынувшими с Запада. Кайзеровские войска занимают белорусские просторы и раз'единяют их железной стеной от революционного центра. Звон шпор возвращает к жизни времена самодержавия... В это время белорусское национально-революционное движение раскалывается на две части. Социально-классовые противоречия отделяют тех, кому по дороге с Октябрем, от тех, кто его страшится. В две стороны направляются и белорусские писатели и поэты. Часть их остается под немецкой оккупацией, другая группируется в тогдашнем Петербурге. Это резко отражается на творчестве обоих лагерей писателей. Янка Купала, З. Бядуля, А. Гарун и др. отдаются воспеванию закрепощенного вновь края, в символических образах призывая избавителя свыше. Революционные события, отзвук которых доносится с Востока, мало их утешают, мало обнадеживают. Другая часть белорусских писателей, оставшаяся в России, тесно связывается с революцией и отражает ее в своей литературной работе. В творчестве последних отражается твердая уверенность в том, что окончательное национальное и социальное освобождение белорусских трудящихся принесет лишь пролетарская революция. Их надежда полностью осуществилась к концу 1918 г., когда манифест временного революционного правительства Белоруссии объявил Белоруссию независимой Советской Социалистической Республикой... Правда, этот исторический акт не сразу уничтожил преграды, мешающие начать немедленно творческую работу над государственным и культурным развитием Белоруссии. Первые же дни рождения Белорусского государственного организма, как Республики трудящихся, были омрачены новыми тучами, на этот раз со стороны польской оккупации. Последняя, на протяжении года, беспощадно уничтожала все проявления национально-культурного возрождения Белоруссии и душила всякую мысль о ее государственной не-

зависимости. Под панским сапогом тяжело было творить и работать белорусским писателям. Страшный гнет оккупационной неволи ярко проглядывает в грустных напевах того времени у Янки Купалы, З. Бядули, А. Гаруна и др. Газета „Беларусь“ и журнал „Рунь“, хотя и часто помещают на своих страницах произведения поэтов и писателей, но, как мы уже выше сказали, это были напевы грусти и тоски. Янка Купала воспекает „вырай“, куда он стремится как можно скорее улететь из об'ятий тяжелой зимы. З. Бядуля слышит „под окнами своей коморки шепоты страшных призраков“.

Ничто другое, как „страшные призраки“ польской оккупации закаливали революционные мысли и творчество только что выступившего на литературную сцену молодого, талантливое поэта, Михася Чарота. М. Чарот настороженно ждал прихода Красной Армии для освобождения Белоруссии и воспел этот приход в песнях, исполненных революционного энтузиазма.

Освобождение Белоруссии от бело-поляков восторженно встречается М. Чаротом, З. Бядулей и Тишкой Гартным. Эти писатели и положили начало современному после-октябрьскому периоду белорусской литературы. Их песни созывают новых, молодых, рожденных революцией поэтов. Уже в 1921 году появляются: В. Дубовка, А. Александрович и А. Дударь.

Их молодое творчество насыщено революционными мелодиями и целиком посвящено воспеванию Октября. Немного опаздывают подать свой отклик на грандиозные события современности Якуб Колос и Янка Купала. Редкие звуки их песен пока не гармонируют с событиями. Иногда сбивается и З. Бядуля.

Но факты жизни говорят иное: укрепление октябрьских завоеваний очевидно для всех. Быстро растет и процветает государственное строительство, расширяется просвещение, возникает белорусский театр, издательство, белорусский язык занимает подобающее ему место, как язык государственный, язык белорусских трудящихся масс. Национальная политика Советской власти оказывается не простой декларацией, обещанием, а живой работой по уничтожению национального гнета, по возрождению белорусской культуры.

Ярким примером этого является факт серьезной постановки издательского дела, начиная с 1921 г. Две издательские организации—издательство „Савецкая Беларусь“ и Белорусское отделение государственного издательства РСФСР в Берлине—издают ряд произведений белорусских поэтов и писателей. Издательство „Савецкая Беларусь“ выпускает из печати в 1922 году: „На зачарованных гонях“—сборник новелл З. Бядули, его же сборник стихов: „Под родным небом“, „Спадчына“, сборник стихов Янки Купалы и поэму в стихах Якуба Колоса—„Новая Зямля“. Зарубежное белорусское отделение Государственного Издательства РСФСР издает сборник стихов Тишки Гартного, первую часть его романа-трилогии „Соки Цалины“, „Сказки жизни“ Якуба Колоса. В дополнение к этим изданиям, Госиздат Белоруссии выпустил сборник стихотворений М. Чарота „Завіруха“ и поэму „Босыя на вогнішчы“. Эта издательская работа производит внушительное впечатление и на те круги интеллигенции, которые пока еще не удовлетворились конкретными результатами национальной политики Советской власти и на самих поэтов, до этого времени не веривших в возможность выхода в свет их произведений.

„Новая Зямля“ Якуба Колоса дает богатую картину жизни белорусского крестьянина. В поэме ясно отображены все перипетии этой жизни, даны красочные описания белорусской природы. Герой поэмы, крестьянин Михал, всю жизнь ищет „новую зямлю“. Старая земля—тюрьма темная и тесная, как и вся дореволюционная Беларусь. Жить на старой земле становится не под силу. Надо искать новую землю, на которой можно было бы построить и новую вольную жизнь.

Свою поэму Якуб Колос писал еще до революции. Поэтому в поэме „Новая Зямля“ не нашли отзвука революционные события 1917-18 г. г. и самый процесс отыскания этой „новой земли“ героем поэмы показывается автором в мирных и спокойных тонах. Тем не менее, сила и глубина таланта Якуба Колоса делает это произведение поистине классическим.

В первой части „Соки Цалины“—„Бацькава Воля“—Тишки Гартного изображается жизнь местечковой молодежи, увлекающейся социалистическими идеями, которые формируют будущих бойцов за соци-

альное и национальное переустройство Белоруссии. Вокруг этой основной мысли идет описание тех классовых противоречий, которые всегда давали о себе знать в мещанско-крестьянском быту соотношениями между кулацкой частью мещанско-крестьянского населения и его беднейшими представителями.

„Завіруха“ М. Чарота целиком является отзвуком события новой жизни. Этот сборник стихов молодого талантливого поэта вместе со стихами Тишки Гартного в „Песнях Працы і Змаганьня“ устанавливают вехи, по которым должно в дальнейшем идти развитие белорусской пролетарской литературы. М. Чарот так пишет в предисловии к сборнику—„Завіруха“: „мой сборник скорее динамика, чем статика. Он—отображение того, что переживал автор не только, как наблюдатель революционного вихря, но и как непосредственный его участник“. Тишка Гартный свои „Песні Працы і Змаганьня“ посвятил „тем товарищам, которые боролись и продолжают вести борьбу за строительство Белорусской Социалистической Советской Республики“.

„Мы засыпаны сьнежнымі іскрамі,
Ломім ногі ў гальлі буралому...
Крычым сонцу: „Блізка мы, блізка мы!
К сьвету вялікаму, новаму!“

говорит М. Чарот во вступительном своем стихотворении в сборнике „Завіруха“.

И на его „крик солнцу“ отзываются новые молодые поэты. Они слетаются осенью 1922 г. на свет первого марксистского белорусского литературно-политического журнала „Польмя“. Журнал выкинул лозунг объединения белорусских культурных сил вокруг марксистского мировоззрения, для советского строительства Белорусской Республики рабочих и крестьян. „Польмя“ поставило себе целью воспитать веру в правильность и силу Ленинского метода решения национального вопроса. Выход первого номера показал, что белорусская литература недалеко от полного восприятия этих идей. 1923 и 1924 г. г. окончательно укрепили советскую идею почти что во всех отраслях белорусской послереволюционной культуры. И старые и новые поэты сошлись на одной платформе и с одинаковой энергией принялись за работу.

К этому времени не осталось в белорусской литературе ни одного писателя, который искал-бы иных путей для будущего Белоруссии, чем пути советские.

Те, кому непонятными показались грандиозные проявления революционной бури, сошли с литературной арены: одни умерли, прячась в Польше (Алесь Гарун—1920 г., Ядвигин Ш.—1922 г.), иные забросили лиру; те же, кто хотя и не сразу, а разобрался в происходящих событиях современности, пошли навстречу будущему твердым шагом. Развитие революции и ее последующее укрепление дали белорусским поэтам и писателям новые источники энергии и вдохновения.

На фоне послереволюционной литературы выделяются произведения, представляющие прекрасные образцы, как по художественному исполнению, так и по их пролетарской идеологии. Наиболее ярким примером этого рода является поэма М. Чарота „Босыя на вогнішчы“. Эта поэма наделала много шума при своем появлении в 1922 г. Ей было посвящено много критических очерков и диспутов. М. Чарот в „Босых на вогнішчы“ изображает в ярких, сочных красках, картины освобождения Белоруссии от польской оккупации, совершенного руками бедноты.

Перед читателем проходят полные красоты и силы события этого периода в жизни Белоруссии. Поэма привлекает также своим оригинальным для белорусской литературы построением стиха. „Босыя на вогнішчы“ послужили толчком к выявлению широкого пролетарского течения в белорусской литературе. „Маладняк“—объединение поэтов, которые пришли в литературу после Октября, фактически стал колыбелью этого течения. Целый ряд молодых поэтов, вошедших в это объединение, успели проявить себя на протяжении ближайшего года. Уже в 1923 году белорусскому читателю были хорошо известны такие способные поэты, как: В. Дубовка, М. Зарецкий, А. Александрович, А. Дударь, А. Бабарека. Особенно выдающийся из этой плеяды—В. Дубовка, способный лирик, глубоко-вдумчивый певец.

„Молодняковцы“, в смысле художественного развития и количественных результатов своей работы, достигли больших успехов. На протяжении 1924-25 г.г. ими издано до трех десятков сборников сти-

хотворений и прозы и около десяти номеров журнала „Маладняк“⁴. Среди изданных произведений много талантливых, интересных, художественных вещей.

Кроме литературной работы „Маладняк“ провел большую общественно-воспитательную работу. Он организовал вокруг себя широкие круги белорусской рабоче-крестьянской молодежи, из среды которой выявилось много новых начинающих писателей и поэтов.

Филии „Маладняка“, раскинутые по всей Белоруссии и за рубежом (Прага, Рига, Ковно), а также—в Ленинграде и Москве, в свою очередь, довольно широко развили издательское дело: выпускают журналы и сборники рассказов и стихов. Кроме молодых поэтов, отнесенных нами к молодняковцам, надо отметить еще тех, какие пришли в белорусскую литературу после октября, параллельно с молодняковцами. Из них особо стоит Я. Нёманский, обративший на себя внимание своим рассказом: „Над Кроманью“ и поэт А. Морковка. Оба они с первых своих шагов твердо стали на революционно-советскую почву и выявили себя в своем творчестве, как художники современности.

Вообще, дух и существо нашего времени, революционный быт и склад, новые идеи и стремления переливаются в творчестве белорусских поэтов и писателей за последние два-три года. Тем интересней это явление, что оно глубоко отличает белорусскую современную литературу от современной же литературы других советских республик. Старейшие из белорусских поэтов, „наше-нивцы“, сейчас народные поэты Белорусской Советской Социалистической Республики, Янка Купала и Якуб Колос, круто повернули свою лиру и в своих произведениях воспевают рождение нового социалистического строя. Уже в 1924 г. Янка Купала отозвался на это в „Полымя“ циклом стихов „Безназовое“¹⁾.

У даль ідзём, хоць ляскае
Зьвяр'ё ў кутох няласкаю—
На далышы кліча сон.

¹⁾ См. 13 стр. настоящего сборника.

Але, але ня выламе
Ні клыкамі, ні віламі
Таго, што ажыло,
Што ўскрэсла над магіламі,
Над хатамі пахілымі—
Мінуламу на зло...

Это было особенно знаменательно, так как Янка Купала до этого времени лишь один раз задел идеи настоящего времени—стихами на смерть белорусского коммуниста, Степана Булата и художественным переводом на белорусский язык „Интернационала“. Молчание Я. Купалы на протяжении от 1920 г. интриговало белорусскую советскую общественность и сеяло разные разговоры о неясности литературной позиции поэта. „Безназовное“ разрядило атмосферу, засвидетельствовав еще раз о нераздельности между эволюцией идеологии в белорусской литературе и революционной действительностью. Основные мысли, которые направляли творчество Янки Купалы на протяжении многих лет его литературного творчества, были теперь тесно увязаны с идеями социалистического строительства на Беларуси.

В стихотворении, посвященном „Маладняку“, Янка Купала решительно подчеркивает свое восхищение молодыми революционными писателями, какие пришли на смену старому поколению белорусских культурников и пришли под знаменем Красного Октября. В лице „Маладняка“ Янка Купала пропел мощный, революционно-вдохновенный, глубоко-художественный гимн этой молодой силе.

Наряду с Янкой Купалой и другие белорусские поэты и писатели старого поколения ясно высказали свое отношение к Октябрю. З. Бядуля в сборнике стихов „Буралом“ так приветствует новую пору:

Ратай, ратай, ідзі на шнур!
Валы ў саху ты запрагай,
Стаіць пусты ўжо панскі мур.
Ня страшыць ён, сьмялей ступай!
Для самага сябе арэш,

Пасееш сам і сам сажнеш,
Ня пойдзе хлеб твой гультаём,
Ня пойдзе хлеб ужо паном,
Бо досыць ты ўжо іх карміў,
Бо досыць ты ўжо іх паіў...

К 1925 г. особенно выразительно проявился революционный характер белорусской литературы, когда появился ряд новых произведений: „Безназовное“ (стихи)—Янки Купалы, „Трэскі на хвалях“—Тишки Гартного, „Веснаход“—М. Чарота, „У віры жыцця“—М. Зарецкого, „На зломе“—Я. Нёманского и много других. Старые и молодые авторы сошлись на одной дороге — направили свои пути к одной цели — строить белорусскую литературу и культуру под руководством Коммунистической партии, в условиях диктатуры пролетариата.

* * *

Весной 1926 г. единая организация „Маладняк“ раскололась. Отколовшиеся образовали литературное объединение, под названием „Узвышша“. Старые поэты и писатели, оставаясь неорганизованными, фактически объединены около журнала „Полымя“. Все эти три группировки сравнительно мало отличаются одна от другой, если посмотреть с точки зрения содержания их творчества. Только в теоретических доказательствах своих взглядов на литературные позиции, „Узвышша“ не свободно от примеси мелкобуржуазной крестьянской идеологии. В смысле построения творчества нельзя сказать, в каком из объединений яснее и сильнее слышатся ноты бодрых пролетарских напевов. В этом отношении молодняковцы Н. Зарецкий, М. Чарот и А. Александрович, безусловно, стоят впереди всех остальных молодняковцев и всех узвышевцев. Из числа первых, большое количество поэтов и писателей пока еще не имеют ясно определившихся настроений, которые были бы для них вполне характерны. Из числа последних (узвышевцев) безусловно К. Черный, Я. Пушча и др. чем дальше, тем больше начинают поддаваться мрачным и индивидуалистическим настроениям.

Что же касается старых писателей и тех из новых, которые не входят ни в одно из объединений, то, как мы уже выше отмечали, они

своим левым крылом примыкают к „Маладняку“ (Тишка Гартный, Я. Нёманский, А. Морковка, А. Гурло), а правым — к „Узвышша“ (М. Гарецкий, З. Бядуля и др.).

Из последних произведений старых писателей обращает на себя внимание недавно вышедший из печати сборник рассказов „На прасторах жыцця“ Якуба Колоса. В этом сборнике Я. Колос ушел далеко от мотивов, которые доминировали в его „Новой Земле“. Он уже крепко нащупал устои нового быта и идеи, оформляющие новую жизнь в условиях Советской Белоруссии.

* * *

Рост и быстрое развитие белорусской литературы в Советской Белоруссии не могли не послужить импульсом к творческой деятельности на этой почве и в зарубежных частях Белоруссии.

За последние годы появляются многие белорусские писатели и поэты в Западной Белоруссии, в Латвии и других местах. Наиболее крупные фигуры из зарубежных писателей — В. Жилка, Наталья Арсеньева и др. Первый из них издал сборник своих стихов „Уяўленьне“, встретивший благожелательное отношение зарубежной белорусской критики со стороны художественного исполнения стиха. Сборник стихов „Першы крок“ издан белорусскими поэтами в Латвии, ими же на протяжении уже больше года издается литературная страница в белорусской газете „Голос Белорусса“ (Рига). Все же тяжелые условия для национально-культурного развития буржуазных Польши и Латвии не дают возможности писателям выявить в полной мере то, что, безусловно, таит в себе белорусское угнетенное меньшинство. Частично мешает этому и большая заостренность политической борьбы; последняя в Польше сейчас полностью захватила все активные круги белорусской интеллигенции, рабочих и передового крестьянства.

Наряду с развитием белорусской литературы развивается и литературная критика. В этой области уже оформились выдающиеся критики-литераторы, давшие обстоятельные обзоры исторического развития белорусской литературы, творчества отдельных поэтов и писателей. Из историков литературы на первом месте стоит М. Гарецкий, написавший первую историю белорусской литературы. Из

выдающихся критиков надо отметить А. Навину, начавшего свою работу в этом направлении еще на страницах „Нашей Нивы“. А. Навиной написаны довольно обстоятельно обзоры творчества целого ряда поэтов и писателей: Янки Купалы, Якуба Колоса, Тишки Гартного, М. Богдановича, З. Бядули, Констанции Буйла, М. Чарота, У. Жилки и др. Часть своих очерков А. Навина издал отдельной книжкой под названием „Нашы песняры“ (Вильна 1918 г.). Дальше идет проф. М. Пиотухович, У. Дзержинский, автор обстоятельных исследований белорусской современной литературы, многих хрестоматий, проф. В. Игнатовский, проф. И. Замотин и др. В последнее время подают большую надежду, как способные критики—А. Бабарека, Т. Глыбоцкий и Н. Байков.

Однако критика не в силах догнать рост литературы, которая часто остается вне критического охвата.

* * *

Таким образом, мы видим, как за короткий срок своего существования белорусская литература в своем развитии достигла значительных результатов. Она прошла несколько важных этапов, начиная от шляхетского сентиментализма (В. Дунин-Марцинкевич) через сентиментализм народничества (Ф. Богушевич) и др., революционный возрожденизм (Коганец, Тетка, Купала и пр. „наше-нивцы“), до революционно-пролетарского реализма.

В своих настроениях белорусская литература все время шла рука об руку с передовыми идеями современности, часто предвосхищая их и неуклонно служа белорусским трудящимся массам. Начиная с 1905 года центр тяжести культурного возрождения Белоруссии лежал на белорусской литературе. Ее рост, ее сила и художественный расцвет тем больше увеличивались, чем полней была ее связь с трудящимися массами.

Вот почему она достигла той степени своего развития, каковой мы ее видим сейчас, когда белорусские рабочие и крестьяне стали хозяевами своей жизни.

Симон Друк.